

*Повезет
обязательно!*

Романы *Натальи Мироновой* —
это современные драмы о коварстве
и любви, финал которых всегда
оптимистичен.

Автор уверен: человек, для которого живы
понятия чести и благородства, обязательно
добьется справедливости, вытянет свой
счастливый билет. В каждой книге
вы встретите уже полюбившихся героев
прежних историй. И это не случайно:
хорошие люди тянутся друг к другу.

***Синдром
Настасьи Филипповны***

Глаза Клеопатры

Тень доктора Кречмера

Случай Растиньяка

Возраст Суламифи

В ожидании Айвенго

Наталья
МИРОНОВА

**Тень
доктора
Кречмера**

РОМАН



Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Оформление серии *А. Старикова*

Миронова, Наталья Алексеевна.

М64 Тень доктора Кречмера : роман / Наталья Миронова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 544 с. — (Повезет обязательно! Романы Натальи Мироновой).

ISBN 978-5-699-85266-6

Он поднял голову и остолбенел: куда делась сутулая провинциальная девочка с глазами, полными испуга?! Вместо нее к Николаю приближалась высокая, утонченно сексуальная женщина. Оказывается, это она — вице-президент банка, у которого Галынин со товарищи вынужден просить средств на телепроект. В Вере Нелюбиной не осталось и тени от той, что легко вписывалась иллюстрацией в трактат доктора Кречмера об астении! Во всем, абсолютно во всем прогадал Николай Галынин, позволивший Вериной сестре соблазнить себя: и любовь потерял, и чести лишился, и талант рассеял. Где найти силы вымолить ее прощение?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85266-6

© Миронова Н., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Хочу поблагодарить О.Н. Драгунского, генерального директора туристической фирмы «Социум-тур», за сведения об Израиле и о футболе;

моих друзей:

Т.Н. Никитину — за рассказ об акушерке,

М.И. и Л.Н. Каманиных — за замечания по тексту и сведения о самолетах Второй мировой войны,

а также И.Л. Добрякову, без которой эта книга вообще не появилась бы на свет, — за рассказ о бездомном щенке и другие замечания.

Наталья Миронова

Памяти моей мамы

ГЛАВА 1

5 апреля 2002 г.

Двое сидели в прохладном мраморном зале московского ресторана «Прага». Один, полноватый лысеющий мужчина за пятьдесят, в модном костюме горчичного цвета и в бледно-розовой рубашке с галстуком, несмотря на свою солидность, чуть заметно, но все-таки явно нервничал: поправлял галстук, поддерживал обшлага и что-то напряженно втолковывал собеседнику — красивому, однако на редкость угрюмому брюнету лет тридцати с небольшим. Одет этот второй был гораздо скромнее. Пожалуй, несколькими часами позже его, в черных джинсах и клетчатой рубашке без пиджака, не пустили бы в ресторанный зал. Но стоял час второго завтрака, в огромном помещении было пусто, и персонал, видимо,

закрыв глаза и на рубашку-ковбойку, и на черную кожаную куртку, висевшую на спинке стула.

— Говорить предоставь мне, — похоже, уже не в первый раз повторил лысоватый.

— Тогда что я вообще здесь делаю? — хмуро отозвался брюнет.

— Вступишь в нужный момент. Главное, не переборщи. Сдержанность и уверенность в себе. С этими банковскими крысами только так и надо. Запомни: мы ничего не просим. Мы предлагаем. Между прочим, она опаздывает.

— Она?

— Да, подослали нам какую-то бабу. Она у них там главный аналитик. Я приглашал президента и вице-президента, но они не удостоили. А может, оно и к лучшему. Постарайся ее обаять.

— Нет уж, на это я не подписывался. Я режиссер, а не жиголо.

— Ты видный мужик. Так сказать, при фактуре. Остальное значения не имеет. Смотри, вот она.

Брюнет поднял голову — и остолбенел. Он не видел ее десять... нет, меньше... восемь лет, а когда видел в последний раз, она выглядела совсем не так, как сейчас, но он узнал ее мгновенно, даже издали. И у нее они будут просить деньги?! Ему хотелось провалиться сквозь землю и хотелось рассматривать ее — бесконечно, жадно... Ему хотелось, чтобы зал ресторана растянулся на десять километров.

Она что-то сделала со своими русыми волосами. Нет, не остригла, конечно, и не покрасила, но что-то такое сделала. Уложенные тяжелым узлом на затылке, теперь они отливали хмелем. И косметикой она научилась пользоваться — интересно и незаметно. Она больше не сутулилась, спину держала гордо. Он оценил все: и костюм

без воротника с полукруглым вырезом цвета «полуночной синевы» с перламутровыми пуговицами, и темно-синие замшевые туфли на низком каблучке... Они не умаляли ее роста, все равно было видно, какая она высокая и какие у нее классные ноги.

Черт, о чем он думает? О какой-то ерунде, когда вот она, подходит... Спокойная, независимая, невозмутимая. «Прямо как Татьяна Ларина на балу», — мелькнуло у него в голове. Что он ей скажет? Надо хотя бы поздороваться... Он постарался придать лицу нейтральное выражение, но ничего не мог с собой поделать. Машинально поднялся из-за стола вместе со Звягинцевым и снова сел, когда она села, а сам, забыв обо всем на свете, продолжал пристально, до неприличия откровенно разглядывать женщину, которую потерял безвозвратно.

Было в ее строгом облике что-то утонченно сексуальное — в том, как теплый кашемир прилегал к нежной обнаженной коже. Скромные сережки без камней, а на груди слева мозаичная брошка. Что-то знакомое... Приглядевшись, он узнал рисунок Мориса Эшера. Больше никаких украшений. Надо же поздороваться, надо что-то сказать... Он вполуха слушал, как Звягинцев представляется сам и представляет его, как она в ответ называет ему себя — Вера и все еще Нелюбина!

— Здравствуй, Николай, — пробился вдруг незабываемый голос сквозь чехарду его мыслей.

— Вы знакомы? — оживился Звягинцев.

Николай смотрел на нее и молчал. Даже поздороваться не мог. Что она скажет? Он ждал. Пусть сама определит степень их знакомства.

— Мы встречались, — ответила она.

Они встретились десять лет назад в Кремле на слете талантливой молодежи. Слет носил амбициозное название «Будущее России». Она, Вера Нелюбина, десятиклассница из Сочи, стала победительницей математической олимпиады и была без экзаменов принята в знаменитую Плешку, Российскую экономическую академию имени Плеханова. Он, Николай Галынин, окончил к тому времени уже четыре курса МАИ, но так талантливо вывел свою команду КВН на первое место во всероссийском зачете, что стало ясно: путь парню в театральный. Его приняли на Высшие режиссерские курсы при бывшем ГИТИСе, ныне переименованном в Российскую академию театрального искусства.

— В общем, встретились два академика, — подытожил Николай, когда они рассказали друг другу о себе.

Они разговорились случайно, и она ему сразу понравилась. Высокая, худая, застенчивая, со стороны она могла показаться нескладной, но он разглядел в ней грацию угловатого олененка. А главное, с ней было интересно. Она не хихикала, как другие девчонки, не кокетничала, с ней можно было вести содержательный разговор. Поскольку дело происходило в Кремле, они в перерыве пошли прогуляться по окрестностям, и она прочла ему целую лекцию о топографии кремлевских стен и башен, ориентированных в пространстве относительно сторон света и небесных светил.

Коля почувствовал, что его самолюбие москвича задето, и предложил показать ей *свою* Москву. Вера согласилась, а одно неприятное происшествие помогло им еще больше сблизиться.

На второй день слета они решили удрать с какой-то скучной «секции», отказавшись от маячившей в конце казенной красной икры и советского шампанского. И вот, пока они, занятые разговором, шли по фойе, сзади раздался ядовитый голосок:

— И чего его повело на эти кости?

Коля и Вера невольно обернулись. За ними увязалась стайка девиц. Одну из них, ту, что высказалась, Коля узнал: она попала на слет как финалистка какого-то эстрадного конкурса, остальные, решил он, просто примазались. Девицы жалась друг к дружке, натужно хихикая в ожидании реакции.

Реакция последовала незамедлительно.

Окинув презрительным взглядом финалистку, обряженную в какую-то конскую сбрую, Коля бросил в ответ:

— Но не на твои же мозги, деточка?

И, демонстративно обняв Веру за плечи, увел ее.

Вера не отстранилась, но мягко упрекнула его:

— Ну, зачем ты так? Она же просто завидует.

— Вот и давай дадим ей законный повод для зависти. — Коля наклонился и поцеловал Веру в губы, прекрасно зная, что честная компания все еще провожает их взглядами.

Вера страшно смутилась, но дело было сделано: весь остаток дня и весь следующий день, что она провела в Москве, Коля вел себя так, словно завистливая финалистка дала ему законное право обнимать и поминутно целовать свою спутницу. Вера не уворачивалась. Ее губы были робкими и неумелыми, но именно поэтому они показались Коле такими бесподобно сладкими. Приятно было чувствовать свое превосходство.

Коля быстро понял, что Вера недооценивает себя. И одета не как подобало бы дочери — это он узнал уже после — директрисы военного санатория и, пусть покойного, но капитана морского порта. Пепельно-русые волосы, заплетенные в две школьные косички, беленькая кофточка с отложным воротничком, черная юбка — чуть ли не пионерская форма! Только красного галстука не хватало.

— Пошли, купим тебе приданое, — полушутя предложил Коля.

— Зачем? — Вера так испугалась, словно он пригласил ее прыгнуть в огонь.

— Ну, хотя бы затем, чтобы заткнуть рот этой стерве. И чтобы ты поверила в себя. Не сомневайся, у тебя все стандарты на месте.

— Девяносто — шестьдесят — девяносто? — Вера грустно улыбнулась и покачала головой: — Я не обольщаюсь своей внешностью.

— И напрасно. Честное слово, — убеждал ее Коля, — с твоими данными глупо так комплексовать.

— Я не комплексую, — возразила Вера, — просто я привыкла рассчитывать в первую очередь на свои мозги.

— Ну, с мозгами у тебя все в порядке. Но и со всем остальным тоже, поверь! У тебя красивые глаза.

— По-моему, этот разговор уже описан у Чехова, — напомнила Вера с горькой улыбкой. — «Когда женщина некрасива, то ей говорят: «У вас прекрасные глаза, у вас прекрасные волосы». — Она криво усмехнулась. — У меня волосы цвета волос и глаза цвета глаз. Давай больше не будем об этом.

У нее были выразительные серые глаза вполли-

ца, почему-то вечно испуганные, и густые длинные волосы, правда, не очень вдохновляющего пепельно-русого цвета, прозванного в народе мышинным. Коля понял, что словами ее не переубедить. Он мог бы затащить ее в салон красоты или в какой-нибудь бутик, но настаивать не стал. Это было бы жестоко. А главное, она нравилась ему такая, как есть, и было даже приятно думать, что никто, кроме него, не видит ее красоты.

А Вера не понимала, что нашел в ней этот красавец с копной вьющихся черных волос, плутовской улыбкой и горящими, как угольки, черными цыганскими глазами. Он весельчак, выдумщик, душа общества, а она... тощая, неуклюжая, стеснительная провинциалка, серая и скучная.

Ей в школе подружки внушали: «Парни смотрят первым делом на фигуру, на ноги... На лицо — в последнюю очередь. А что там у тебя в голове, их вообще не волнует. Хочешь заарканить парня, не говори об умном, лучше смотри ему в рот и прикинься дурочкой». Но Вера в глубине души была горда и не желала ломать комедию, чтобы «заарканить парня». Ей было скучно притворяться, да и не нужен ей был такой парень, ради которого надо прикидываться дурочкой.

Вечером Коля пригласил ее в театр, и они посмотрели весьма «продвинутую» постановку одной из пьес Островского. Вера вежливо молчала, но Коля по лицу видел, что она шокирована.

— Извини, — сказал он. — Ничего более интересного в эти дни не было.

— Нет, что ты, все было замечательно, — торопливо принялась уверять его Вера. — Просто я, наверное, ничего не понимаю в искусстве, — добавила она жалобно.

— Ничего подобного! — возмутился Коля. —

Никогда так не говори и не думай. Режиссер нарочно хотел, чтобы ты так думала.

— Зачем?

— Ну, видишь ли... Помнишь, пару лет назад на телемосте с Америкой одна тетка сказала, что секса у нас, слава богу, нет? Все заржали, но, по сути, она была права: о сексе не принято было говорить. Его как бы не было. — Коля не стал пересказывать Вере нецензурный анекдот, ограничился только ключевой фразой: — Вещь есть, а слова нет. Потом было громко сказано, что мы не ханжи и что секс — это можно. Но очень скоро секс как-то незаметно из «можно» превратился в «нужно». Нет, ты пойми меня правильно: одно дело такие спектакли, как «Лолита» или «Служанки»... Там высокая эротика — органическая часть целого, и без нее замысел просто не существует. Если кому-то это принципиально не нравится — ну, не ходите, не смотрите. Кстати, жаль, нам не удалось их застать, вещи классные. И совсем другое дело, когда секс насильно пристегивают к Островскому. Тебе как бы говорят: «Ты будешь это смотреть и восхищаться нашей смелостью. А если не будешь, то ты ханжа, мещанин, обыватель, мелкобуржуазное ничтожество». Люди теряются от этой демагогии, начинают восхищаться через «не могу». Никогда этому не поддавайся.

Вера смотрела ему в рот совершенно искренне, не притворяясь.

— Я, наверно, кажусь тебе дурочкой, — вздохнула она.

— Вот уж нет!

Коля говорил правду. Ему на каждом шагу приходилось сталкиваться с непониманием. Слишком часто разговор даже с самыми умными людьми превращался в стёб. Собеседники словно

стеснялись искренности, увлеченности, боялись утратить некую крутизну и моментально переводили серьезную беседу в пустой треп. А вот Вера чутко откликнулась на каждое его слово, на каждую шутку. Она и сама умела шутить — редко, как бы ненароком, сохраняя серьезное выражение лица. При математическом складе ума природа наделила ее удивительно богатой фантазией. И она не только прекрасно знала, но и тонко чувствовала литературу, в этом Коля убедился при первом же разговоре.

Они очень скоро перешли к той стадии взаимной влюбленности, когда все, хоть в отдаленной степени забавное, кажется безумно смешным. Вера призналась, что ей нужен портативный компьютер, и Коля повез ее к своему приятелю-компьютерщику на «Сходненскую». Когда проезжали станцию «Баррикадная», Вера заметила, что стены зернистого красного мрамора напоминают ей креветочную пасту «Океан». Коля не мог отсмеяться до самой «Сходненской», а Вера краснела, толкала его локтем в бок и тоже смеялась, уверяя, что их сейчас выведут из вагона.

Его друг Владик жил один в двухкомнатной «хрущобе», похожей на выдвинутый спичечный коробок, и все пространство квартиры, включая кухню и крошечную прихожую, было занято компьютерным оборудованием. Когда они вошли и Вера огляделась, ей показалось, что, помимо того места, где она стоит, невозможно не то что ногу поставить, но даже иголку всунуть. Тем не менее Владик, типичный хиппи с длинными, стянутыми в «конский хвост» волосами, в засаленной майке и драных, обрезанных по колено джинсах, ухитрялся в этом хаосе передвигаться и даже ориентироваться. По дороге Коля сказал Вере, что

Владик собирает из старых компьютеров новые и в смысле качества на него вполне можно положиться.

Владик ничуть не удивился просьбе и тотчас же, сыпля, как из пулемета, компьютерными аббревиатурами и терминами, начал деловито расспрашивать о параметрах, опциях, конфигурациях, фонтах. Когда Вера объяснила, что ей нужно, он запел «Бухгалтер, милый мой бухгалтер!» и извлек из своих закровов прекрасный легкий ноутбук. Компьютер открыли, проверили. Он был уже полностью загружен, но Владик любезно предложил загрузить еще и особую бухгалтерскую программу, что и проделал тут же, на месте. При этом он как будто не замечал своих гостей: для него существовали только машины и их начинка.

Вера тоже не заметила, как Коля выразительно похлопал себя по карману, как они с Владиком обменялись многозначительными взглядами и перемигнулись, пока она оглядывала живописный кавардак.

— А сколько это стоит? — спросила она, мучительно краснея. — Понимаете, у меня с собой только пятьсот долларов, но, если нужно, я...

— Малышка, — снисходительно улыбнулся Владик, — эта вещь не имеет цены. Когда-нибудь ты выставишь ее на аукционе «Сотби» и огребешь миллионы.

— Нет, я серьезно...

— А я что? И я серьезно. Это подарок.

— Но почему? — От волнения Вера перешла на шепот. — Вы меня даже не знаете...

— Детка, я постиг путь Дао до седьмого уровня и познал истинную цену вещей. Ноутбук твой. Не возьмишь — выброшу в окно.

Он обложил компьютер пенопластовыми про-

кладками, упаковал его в плотную оберточную бумагу, перевязал шпагатом, сделал специальную веревочную петлю, чтобы удобнее было нести, и вручил Вере. Она порывисто поцеловала его в щеку.

— Ну, вот мы и в расчете, — усмехнулся Владик.

Коля и Вера уехали и еще долго блуждали по городу, причем компьютер нес, разумеется, Коля. Стоял роскошный теплый май, все, чему положено было расцвести по холодной погоде — дубу, черемухе, — уже расцвело. Было даже жарко.

— Ты должен обязательно приехать к нам в Сочи, — говорила Вера. — Занятия только в сентябре, у нас все лето впереди.

— А это удобно? — засомневался Коля.

— Конечно, удобно! У нас большой дом, его когда-то еще мой дедушка построил, но он умер, и дом остался после него папе. Мой папа был капитаном порта. Ну, таким портовым начальником. Он тоже умер — восемь лет назад. И теперь я в этом доме такая же хозяйка, как мама и сестра. Могу приглашать кого захочу.

— Значит, ты — капитанская дочка?

— Выходит, так.

Но Коля заметил, что она помрачнела, не улыбнулась в ответ, не поддержала разговор. Сведения о сестре он на первых порах пропустил мимо ушей, но сразу почувствовал, что у Веры не самые лучшие отношения с матерью.

— Ты все-таки спроси у мамы, хорошо?

— Я поставлю ее в известность.

— Вы с ней не ладите?

Вера ответила не сразу.

— Да не то чтобы... Нет, у нас нормальные отношения, все в порядке.

— Но...